

А.Ф. Гильфердинг

**Положение и задача России в
Царстве Польском**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Ф. Гильфердинг**
Положение и задача России в Царстве Польском / А.Ф. Гильфердинг – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 44 с.

ISBN 978-5-518-06348-8

ISBN 978-5-518-06348-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

владычества, теперь являющагося полякамъ лишь случайнымъ перевѣсомъ матеріальной силы. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти отвлеченные вопросы и говорю только о голомъ фактѣ современной жизни, а существованія этого факта не будетъ отрицать, я увѣренъ, ни одинъ безпристрастный наблюдатель, вникавшій въ отношенія поляковъ къ русскому владычеству въ царствѣ Польскомъ. Наше владычество несносно полякамъ въ царствѣ Польскомъ, и оно кажется имъ несноснымъ не потому главное, что они подчинены чужой власти: въ Познани и Галиціи поляки гораздо легче мирятся съ чужою властью, а тамъ присутствіе ея чувствуется несравненно сильнѣе, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ, тамъ вся администрація въ рукахъ нѣмецкихъ чиновниковъ, оффиціальный языкъ нѣмецкій и проч. Несносно полякамъ наше владычество и не потому такъ, что мы иновѣрцы: надъ познанскими поляками властвуютъ протестанты и позволяютъ себѣ иногда такія дѣйствія, которыхъ, въ своей скромности, испугалась бы наша православная церковь. Также и не потому, чтобы мы тиранствовали и дѣйствовали варварами въ царствѣ Польскомъ, кажется наша власть неснсною. Вѣдь, сколько бы ни кричали въ европейской печати про наше тиранство и варварство, въ сущности поляки очень хорошо знаютъ, что мы предобродушные и вовсе не жестокосердые, а скорѣе мягкосердечные до простоватости люди. Существенная, я долженъ повторить, причина, почему русское владычество кажется полякамъ невыносимымъ, та, что тутъ плебей властвуетъ надъ аристократомъ, что *пань* или человекъ; считающій себя годнымъ быть паномъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ народу мужиковъ и солдатъ; существенная причина та, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, по выраженію Хомякова, въ старину всѣ славянскія племена,—плебейми человечества, а поляки, пропитавшіеся духомъ западно-европейскаго аристократизма, должны теперь вступить въ подчиненное къ намъ отношеніе.

Что жь тутъ дѣлать? Какъ быть съ Польшею? Съ одной стороны, главная причина, почему наша власть полякамъ столь тягостна, не такая, чтобы ее можно было устранить, и заключается въ самомъ характерѣ обоихъ народовъ: и не дай Богъ, чтобы съ нашей стороны терялся этотъ характеръ. Съ другой стороны, нельзя же не обращать вниманія на это постоянное, тайное или явное, противодѣйствіе поляковъ русскому владычеству. Въ настоящее время мы можемъ, конечно, успокоиться убѣжденіемъ въ необходимости диктатуры, и должны надѣяться, что эта успокоительная для нашего ума и немудреная система утишить самымъ простымъ способомъ царство Польское. Но въ мѣстѣ съ тѣмъ мы задаемъ себѣ вопросъ: «а потомъ что?» *On s'arrûie sur des baïonnettes, on ne s'y assoeit pas*, сказалъ кто-то изъ великихъ людей. И этотъ вопросъ: «потомъ что», кажется весьма серьезнымъ. Онъ не принадлежитъ къ теоретическимъ мечтаніямъ о будущемъ, а имѣетъ и прямой практической смыслъ. Военная диктатура есть власть политическая, а не только полицейская. Вооружившись военною диктатурою, мы не станемъ только исправлять полицейскія обязанности въ царствѣ Польскомъ; мы не будемъ ограничивать всѣ наши заботы настоящимъ днемъ, чтобы нынче все было смирно и въ порядкѣ, ибо въ этомъ случаѣ мы были бы тамъ не болѣе, какъ полиціей. Мы стоимъ тамъ въ качествѣ политической власти, мы будемъ смотрѣть тамъ дальше настоящаго дня, мы и во время военной диктатуры поставимъ себѣ какую нибудь опредѣленную политическую цѣль, потому что диктатура не можетъ длиться долго, потому что передъ ней должно стоять неотступное: «а потомъ что?» Можемъ ли мы чѣмъ нибудь упрочить за собою царство Польское, или у насъ нѣтъ въ немъ другой будущности, какъ вѣчно держаться тамъ силою, или убираться изъ Польши?

II.

Если, въ самомъ дѣлѣ, намъ ничѣмъ нельзя упрочить за собою царство Польское, если намъ не остается другаго выбора, какъ вѣчно держать Польшу силою или покинуть ее, то, конечно, всякій русскій, любящій свое отечество, желалъ бы только видѣть приближеніе минуты, когда это послѣднее могло бы быть исполнено. Мы понимаемъ, что теперь, послѣ нападенія поляковъ на наши войска, послѣ угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ въ настоящее время. Но мы стали бы ждать съ нетерпѣніемъ отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли, непринужденно и съ честью, оставить страну, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда не примирится съ нашею властію. Гораздо лучше пожертвовать областью, которая Россіи не приноситъ никакой выгоды, чѣмъ имѣть постоянно домашняго непріятели и слыть въ цѣломъ мірѣ тиранами. Насильственное обладаніе Польшею, я писалъ въ другой статьѣ, ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ славянскоіи державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы славянскаго племени. Съ какимъ же восхищеніемъ мы привѣтствовали бы свое избавленіе отъ этого губельнаго противорѣчія, съ какимъ удовольствіемъ страхнули бы съ себя бремя насильственнаго владычества надъ польскою землею. Съ какой справедливою гордостью мы глянули бы въ глаза всѣмъ нашимъ клеветникамъ въ Европѣ, какъ мы почувствовали бы себя свободнѣе въ нашей политикѣ!

И не только въ смыслѣ политическомъ, мысль эта, покуда ее разсматривасшь теоретически, оказывается самымъ лучшимъ для Россіи выходомъ изъ безчисленныхъ затрудненій, поставляемыхъ ей царствомъ Польскимъ. За мысль эту говорить и высшая справедливость, недопускающая,

чтобы одинъ народъ налагалъ цѣпи на другой. На почвѣ безусловной правды казалось бы несомнѣннымъ, что должно при первой возможности возвратить царству Польскому его самостоятельность.

Но бѣда въ томъ, что противъ требованій безусловной теоретической правды вооружаются двѣ силы, передъ которыми всегда уступить то, что мы считаемъ безусловною правдою: сила политическихъ условій и сила историческаго развитія. Политическія условія, это сфера, въ которой властвуетъ *князь міра сего*; здѣсь нѣтъ мѣста идеалу безусловной правды. Какъ только зайдетъ рѣчь о практическомъ исполненіи благороднаго помысла, исполненіе это тотчасъ улетаетъ отъ насъ въ такую даль будущаго, что благородный помыслъ обращается въ ничто. А въ свою очередь, передъ нами является неумолчный, логическій законъ историческаго развитія, равнодушный къ стонамъ и проклятіямъ живыхъ людей, потому что ему надобно вымещать на отдаленномъ потомствѣ грѣхи или ошибки давно минувшихъ поколѣній.

Прежде всего, поставимъ вопросъ о русскомъ владычествѣ въ царствѣ Польскомъ на почву политическихъ условій. Въ этомъ отношеніи мы наткнемся на обстоятельство самаго неидеальнаго свойства, но котораго нельзя обойти безъ вниманія. Русская власть пустила корни въ царствѣ Польскомъ, корни, правда, самые грубые, совершенно вѣщественные, но которыхъ намъ не легко бы было вырвать. У насъ тамъ первостепенныя крѣпости. Какъ быть съ Новогеоргіевскомъ, съ Ивангородомъ, съ Замосцемъ? Употребить громадныя усилія, чтобы взорвать на воздухъ или срыть до основанія работы, стоившія Россіи не одну сотню миліоновъ? Или передать въ чужія руки укрѣпленія, которыя, въ случаѣ какой нибудь войны въ средней Европѣ, сдѣлались бы для насъ преградою, быть можетъ неодолимою, или, по крайней мѣрѣ, достаточною, чтобы задержать наши

войска на цѣлую кампанію? Не мнѣ, конечно, разсуждать о спеціальному военному дѣлѣ, но простой здравый смыслъ указываетъ, что пока европейскимъ народамъ нужно будетъ брать въ расчетъ возможность войны и принимать мѣры для своего огражденія, Россіи придется держать царство Польское для своей собственной безопасности въ военномъ отношеніи.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о крѣпостяхъ. Англія рѣшилась же отдать грекамъ Іоническіе острова, жертвуя великолѣпною крѣпостью Корфу. За то политическія условія были въ пользу отдачи Іоническихъ острововъ грекамъ и не только уравновѣшивали, но вознаграждали съ лихвою ущербъ по военной части. Уступка Іоническихъ острововъ не угрожаетъ Англіи ни малѣйшею опасностью, а въ то же время даетъ ей огромное вліяніе на Грецію: собственно, Англія не отдастъ Іоническихъ острововъ, а посредствомъ Іоническихъ острововъ притягиваетъ къ себѣ Грецію. Политическія условія царства Польскаго прямо противоположны всему этому. Поляки властолюбивы и притязательны, по самому понятію, которое они имѣютъ о себѣ, какъ представителей высшей цивилизаціи и единоспасающей религіи, и по тому самому, ихъ властолюбіе и ихъ притязанія обращены не на западъ Европы, откуда они заимствовали эту цивилизацію и эту религію, а на русскій востокъ: ибо тамъ они видятъ мужицкое варварство и схизму и тамъ считаютъ себя призванными распространять господство своей цивилизаціи и своей единоспасающей церкви. Выпустить царство Польское изъ нашихъ рукъ, значило бы открыть себя немедленному и непремѣнному вторженію всего, что въ царствѣ Польскомъ способно носить оружіе; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первымъ дѣломъ самостоятельной Польши было бы избрать въ Европѣ такихъ союзниковъ, призвать къ себѣ такого государя (какого нибудь Наполеонида, если будетъ еще имѣться такой,

или тому подобную личность), съ которыми можно было бы удобнѣйшимъ образомъ напасть на Россію. Конечно, обладаніе царствомъ Польскимъ требуетъ отъ насъ много войска и стоитъ намъ большихъ денегъ. Но не понадобится ли еще больше войска и еще большихъ денегъ, какъ скоро мы выйдемъ изъ царства Польскаго? Намъ придется во всемъ нашемъ западномъ краѣ стоять постоянно на сторожѣ, ждать ежечасно непріятельскаго вторженія. Настоящія событія даютъ намъ чувствовать, какъ тягостно и обременительно для страны быть въ пассивномъ ожиданіи нападенія, не имѣя возможности предупредить удара. И въ этомъ-то положеніи, въ которое мы теперь *временно* поставлены непряженными отношеніями къ западнымъ державамъ, Россія находилась бы *постолнно*, имѣя подъ бокомъ независимую Польшу съ польскою арміею,—пока, я долженъ повторить, какъ говорилъ въ недавней своей статьѣ, не прекратятся притязанія поляковъ владѣть западною частью русской земли.

Такимъ образомъ, мысль освободить царство Польское отъ Россіи, мысль столь благородная, столь привлекательная, мысль неопровержимая въ теоріи,—разбивается о дѣйствительность, какъ только мы ее поставимъ въ видѣ временнаго политическаго вопроса для Россіи. Нельзя же чтобы Россія, въ увлеченіи благороднымъ безкорыстіемъ, думала о возможности избавить Польшу отъ ненавистой для нея, русской власти, не давъ себѣ предварительно отчета о томъ, что изъ этого можетъ или должно выйти. Не только въ настоящее, самое тягостное для насъ время, возбужденныхъ противъ насъ польскихъ страстей, мы не можемъ оставить царство Польское уже изъ-за того, чтобы не показаться трусами, не уронить себя предъ цѣлымъ свѣтомъ; не только теперь, когда на насъ нападаютъ и намъ грозятъ, мы должны держать царство Польское и говорить: «приходите, отнимите, если можете»; нѣтъ, но и въ будущемъ, мы могли бы рѣшиться на такой шагъ развѣ тогда

когда знали бы, что въ средней Европѣ не будетъ больше войны и что поляки, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, не придутъ отвоевывать у насъ Литву и Украину: условія, которыя отдаляютъ исполненіе мысли нашей въ такіе вѣка, которые, по греческому выраженію, «еще покоятся въ лонѣ боговъ».

Или, чтобы скорѣе настало то счастливое время, когда намъ можно будетъ избавиться отъ царства Польскаго и избавиться его отъ насъ, не положить ли разомъ конецъ польскимъ притязаніямъ на западную Русь—изгнаемъ оттуда всѣхъ поляковъ въ царство? Послѣ этого, конечно, не было бы для насъ опасности нашествія изъ царства Польскаго, потому что не стало бы для такого нашествія никакихъ надеждъ на опору въ краѣ и на успѣхъ. Исторія представляетъ намъ подобный случай. Аналогія полнѣйшая. Испанія возвратила себѣ области, составляющія ея природную часть, но которыя долго принадлежали враждебному ей, иновѣрному племени, нѣкогда стремившемуся завоевать ее всю. Тамъ, въ этихъ новопріобрѣтенныхъ Испаніею областяхъ, по близости своей старой родины, чужое, иновѣрное племя водворилось большими массами и составляло, такъ сказать, *интеллигенцію* края. Не снесла этого ненормальнаго положенія нетерпѣливая Испанія, не хотѣла употребить нравственныя силы, силы своего духа, чтобы превозмочь враждебное ей настроеніе мавровъ, быть можетъ мечтавшихъ о возстановленіи прежняго своего владычества надъ Севильей и Гренадой, быть можетъ сносившихся съ своими родичами въ Мавританіи. Она просто взяла и выгнала ихъ всѣхъ, сотнями тысячъ, въ Африку. Съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, со-

знаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стѣхи пришельцевъ, очутившихся гражданами кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печальному примѣру Испаніи?

Узель между Россіей и Польшей сплетенъ такъ тѣсно исторіей, что его не разрубишь. Это борьба двухъ противоположныхъ началъ въ одномъ мірѣ; тутъ не скажешь той и другой сторонѣ: «ступай себѣ домой и сиди смирно, меня не трогай; а я тебя трогать не буду». По крайней мѣрѣ, одна сторона на это не согласится, да и не могла бы исполнить обѣщаніе, даже если бы согласилась. Говорятъ часто, — и эти слова будутъ приведены мною ниже вторично изъ устъ поляка, — говорятъ часто, что поляки ничего не забыли и ничему не выучились. Это правда, хотя причина тому не въ природномъ характерѣ польской націи, а въ тѣхъ идеяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ воспитывается польскій характеръ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но такія идеи и обстоятельства не скоро теряютъ свою силу. Не скоро убѣдятся поляки, что ихъ предназначенная отчизна—малая земля польскаго народа, а не тотъ обширный край, гдѣ они могутъ господствовать во имя своего аристократическаго превосходства и пренимущества своего образованія. Они, люди цивилизованные, носители западно-европейскаго и католическаго знамени, не скоро убѣдятся въ несостоятельности своего призванія въ славянскомъ мірѣ. Они вѣрятъ себѣ, они вѣрятъ въ свое знамя, а неудачи и бѣдствія не убиваютъ вѣры. Ихъ вѣра возвышаетъ ихъ до мечтаній, гдѣ теряется всякое чувство человѣческой дѣйствительности, и низводитъ ихъ до правилъ, въ которыхъ теряется всякое чувство человѣческой нравственности. Въ ихъ средѣ не только религія, какъ замѣчаютъ неоднократно, обратилась въ средство политическое, но, что еще важнѣе, политическая идея обратилась

въ религію. Прочитаемъ слѣдующія строки: «И умучили народъ польскій, и положили во гробъ; и короли вскричали: мы убили и похоронили свободу. Вскричали же они неразумно: ибо, совершая послѣднее убійство, они исполнили мѣру своихъ беззаконій, и кончилась ихъ сила въ то время, когда они наиболѣе ликовали. Ибо народъ польскій не умеръ: тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его сошла съ земли, то есть изъ общественной жизни, въ бездну, то есть въ домашнюю жизнь племенъ, терпящихъ неволю въ краѣ и за границей, дабы видѣть ихъ страданіе. А въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ польскій воскреснетъ и освободитъ всѣ племена Европы изъ неволи. И прошли уже два дня; одинъ день зашелъ съ первымъ взятіемъ Варшавы, а другой день зашелъ со вторымъ взятіемъ Варшавы; а третій день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ по воскресеніи Христа престали на цѣлой землѣ кровавыя жертвоприношенія, такъ съ воскресеніемъ народа польскаго престанутъ въ христіанствѣ войны». Есть цѣлая талая книга, изъ которой это лишь малый отрывокъ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлое дополнительное Евангеліе, но Евангеліе, которое учитъ не вѣрѣ въ Бога, а вѣрѣ въ будущность Польши, не нравственной правдѣ, а тому, какъ вести себя польскимъ «пиллигримамъ», разсѣяннымъ «среди чужезцевъ какъ апостолы среди язычниковъ» (*Księgi Narodu Polskiego i Pilgrzymstwa Polskiego*, гл. XVIII). И эту книгу писалъ не какой нибудь безвѣстный чужацъ, а величайшій гений Польши, Мицкевичъ; и писалъ онъ ее не тогда, когда его умъ былъ на закатѣ, а въ 1833 году, въ пору всей силы его таланта, въ ту самую пору, когда онъ съ такою изумительною вѣрностью живописалъ всѣ стороны польскаго шляхетства въ великолѣпной эпопеѣ о панѣ Тадеушѣ. Такое явленіе, какъ эта «книга польскаго народа и польскаго пиллигримства» переноситъ насъ въ совершенно непонятный для насъ, живущихъ на землѣ, заоблачный міръ, гдѣ

политическая мечта получает силу и власть религіи (*). Теперь, присоедините къ этому другой полюсъ того же явленія—религію, обращаемою въ политическое орудіе, уроки

(*) Зная Мицкевича, какъ поэта, мы вообще слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на него, какъ на мыслителя. Между тѣмъ, онъ является полнымъ представителемъ и провозвѣстникомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя движутъ поляками и воплощаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Приведу одинъ характеристическій примѣръ. Въ статьѣ по поводу засѣданія общества русскихъ земель» для празднованія годовщины бывшаго въ 1831 году возстанія въ Литвѣ, Волыни, Подоли и Украинѣ, статьѣ, написанной 5 апрѣля 1833 г., подъ заглавіемъ «О конституціи повстанцевъ»,—Мицкевичъ опровергаетъ мысль, появляющуюся въ польской эмиграціи, опредѣлить заранѣе ту форму правленія, ту конституцію, которую должна получить Польша, освобожденная отъ русской власти. Вся конституція польскихъ повстанцевъ должна состоять, по словамъ Мицкевича, въ слѣдующихъ немногихъ статьяхъ которыя я перевожу изъ его статьи буквально: «Ст. 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п. Ст. 3. Каждого *шпюна* (шпіона), každого русскаго чиновника, угнетавшаго поляковъ, každого поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить судить, казнить. Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому—кто ее возьметъ. Она болѣе или менѣе обширна, смотря по многочисленности отдѣла, ей подчиненнаго, талантамъ и счастью вождя. Власть эта остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть водворившись въ городъ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную; а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама исполняетъ свои приговоры. Ст. 6. Подачи собираются изъ добровольныхъ приношеній. Кромѣ того, власть забираетъ все, что нужно во время войны». (Полн. собр. сочин. Мицкевича, парижск. изд. 1860 года, т. VI, стр. 159). Стоитъ, вмѣсто имени Императора Николая, поставить имя Императора Александра, вмѣсто 1833 года поставить 1863 годъ, и въ этой, начертанной Мицкевичемъ «конституціи повстанцевъ», мы будемъ имѣть во всей точности кодексъ современнаго польскаго возстанія.